

DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-322-336

УДК 821.161.1

**Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли:
Реконструкция философско-эстетического диалога***

© 2020, Е.А. Тахо-Годи

Аннотация: В статье впервые проводится сопоставление философско-эстетических воззрений на русскую литературу и язык двух видных представителей русского зарубежья — критика Ю.И. Айхенвальда (1872–1928) и медиевиста, интерпретатора русской классики П.М. Бицилли (1879–1953). Осмыслиется весь выявленный на сегодняшний день фактический материал, подтверждающий взаимный интерес Ю.И. Айхенвальда и П.М. Бицилли друг к другу: документы из личного фонда П.М. Бицилли в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, рецензия Ю.И. Айхенвальда на «Этюды о русской поэзии» П.М. Бицилли в берлинской газете «Руль», некролог Ю.И. Айхенвальду, опубликованный П.М. Бицилли в софийской газете «Голос». Ставится вопрос о воздействии айхенвальдовского имманентного метода анализа литературного текста на эстетико-индивидуализирующий метод П.М. Бицилли, о подходах обоих авторов к решению проблемы морфологии русской культуры и философии нации, о связи пушкинской темы в их творчестве с размышлениями о судьбе послереволюционной России и русского языка, артикулированных в ходе обсуждения книги С. и А. Волконских «В защиту русского языка» (1928).

Ключевые слова: Ю.И. Айхенвальд, П.М. Бицилли, русская литература, язык, эстетика, пушкинская традиция, имманентный метод, философия нации, морфология культуры.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; заведующая научным отделом, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», Москва, Россия. E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Цитирование: Тахо-Годи Е.А. Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли: Реконструкция философско-эстетического диалога // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 322–336. DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-322-336

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432-П).

Имена Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928), известного литературного критика первой четверти XX столетия, и его младшего современника, медиевиста и тонкого интерпретатора русской классики, Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), в научных исследованиях никогда рядом не фигурировали. Действительно, фактического материала тут немного. Несмотря на то, что оба были из Одессы и закончили один и тот же Новороссийский университет, лично знакомы они не были ни до эмиграции, ни после, оказавшись весьма далеко друг от друга: Айхенвальд — в Берлине, Бицилли — в Софии. Тем не менее своеобразный «диалог» между ними очевиден, хотя перед нами не традиционная беседа или полемика двух равных участников, а скорее определенная оглядка младшего из собеседников, Бицилли, на старшего, Айхенвальда, сохраняющаяся и после внезапной кончины Юлия Исаевича в декабре 1928 г. В настоящей статье хотелось бы вычленить ключевые темы этого, во многом, реконструируемого «диалога», чтобы ответить на вопросы: что же заставляет Бицилли внимательнее вглядываться в айхенвальдовские тексты, в чем заключаются их философско-эстетические схождения?

Говоря об «эстетико-индивидуализирующем методе» Бицилли, имеет смысл учитывать и суждения Айхенвальда, которые могли быть для Бицилли одним из импульсов построения собственной системы постижения русской литературы и культуры. Тут, как представляется, надо прежде всего обратиться к проблеме метода, подхода к анализу литературного текста. Эпоха страстной борьбы различных литературоведческих школ — историко-культурной, психологической, формалистской еще не была изжита. Поэтому для Бицилли с его верой в то, что «культура есть творческое самораскрытие личности вовне»¹, с его «эстетико-индивидуализирующим» подходом к тексту, когда в центре внимания оказывается «не структура, “подлежащая исследованию”, а индивидуальность с ее “неизъяснимой”, “невыразимой” константой»², чрезвычайно притягателен метод имманентной критики Айхенвальда, убежденного, что принципиальный импрессионизм требует, чтобы в основу истории литературы были положены индивидуальные «интуиции», сама «творческая индивидуальность» писателя³. Недаром оба подкрепляют свою аргументацию

¹ *Бицилли П.М.* Избранные работы по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М., 1996. С. 148.

² *Васильева М.А.* «Эстетическая проблема» в литературоведении П.М. Бицилли: к постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 113.

³ *Айхенвальд Ю.И.* Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». Вып. 1. М., 1911. С. VI.

апелляцией к монадологии Г.В. Лейбница⁴. Читая в работе Бицилли 1942 г. «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа» о том, что «...человек-монада, *individuum*, неделимое целое, своего рода замкнутая система, в которой все элементы находятся в состоянии соподчиненности, взаимозависимости, будучи связаны тяготением к общему центру»⁵, невозможно не вспомнить фрагмент из айхенвальдовского Предисловия 1911 г. к «Силуэтам русских писателей»: «<...> чем более углубляешься в замкнутые миры писателей, в эти особенно живые монады, тем яснее становится, что они не только литераторы, но и литература; что есть известные проблемы, сюжеты и мотивы, которые объединяют их в одно целое»⁶.

Бицилли, как констатировала М.А. Васильева, полагал необходимым от «философии истории» прийти к «философии культуры», потому что «именно в философии культуры становится возможен эстетико-индивидуализирующий синтез, искомый интуитивный “охват всеединства”»⁷. Современные исследователи, пишущие об Айхенвальде, о его имманентном методе, поразительно единодушно игнорируют то, что, будучи профессиональным философом по образованию и отрицая к началу 1910-х гг. культурно-исторический, социологический, психологический, биографический или формалистический методы, он предлагал свой путь преодоления кризиса в литературоведении и путь этот очень близок к «морфологии культуры», а вместе с тем и ее философии. В опубликованном в 1911 г. «Предисловии» к «Силуэтам русских писателей» Айхенвальд заговаривает о философской проблеме «натуры и культуры», которая, с его точки зрения, «является средоточием тех концентров, в виде которых могла бы быть схематизирована русская художественная словесность». Отсюда его стремление не только выявить индивидуальный стиль каждого писателя, дать его словно изнутри, но и определить центробежное и центростремительное в развитии русской словесности, то, что он называет «линиями духовных преемственностей», общими

⁴ На роль «Монадологии» Г.В. Лейбница также было обращено внимание и в докладе М.Я. Вайскопфа «П.М. Бицилли — гоголевед» в ИМЛИ РАН на конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» (ноябрь 2019 г.). Речь шла о сознательном употреблении Бицилли слова «монада» в размышлениях о Достоевском или о набоковском «Приглашении на казнь».

⁵ *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. статья, сост. и коммент. М.А. Васильевой; подгот. текста М.А. Васильевой, И. Одовьянниковой. М., 2000. С. 330.

⁶ *Айхенвальд Ю.И.* Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». С. XXVI.

⁷ *Васильева М.А.* Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. М., 2000. С. 14.

«радиусами», намечая такие антитезы, категории, «концентры» («концепты», как сказали бы мы, наверное, сейчас), как «оседлость» и «скитальчество», «природа» и «культура», «деревня» и «город», «смирение» и «хищность». Оригинальность и продуктивность такого подхода, который Айхенвальд выдвинул первым из исследователей отечественной словесности, осталась, к сожалению, непонятой или незамеченной.

Вероятно, именно общностью философско-эстетических принципов объясняется внимание Айхенвальда и Бицилли к одним и тем же конкретным явлениям литературного процесса.

Закономерно, что именно в работе «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа» Бицилли напрямую ссылается на наблюдения Айхенвальда над чеховским стилем — над мотивами «ухода» и «дороги»⁸ из эссе «Чехов», напечатанном в 1906 г. в сборнике «Памяти Чехова» и в переработанном виде вошедшем в книгу «Силуэты русских писателей». Для Айхенвальда чеховское творчество — надежда, залог, пророчество об обретении всеединства, «т[ой] един[ой] Сфер[ы], то[го] гармоническ[ого] кольц[а], в котором свое слияние нашли бы сверхличная недумающая природа и неутолимое сознание отдельной человеческой личности», «осуществление той еще более высокой и идеальной круглоты, в которой объединяются природа и культура, стихия и слово, Пан и Логос»⁹.

Отсылку к мнению Айхенвальда мы находим и в рецензии Бицилли 1932 г. на книгу Бориса Зайцева «Жизнь Тургенева». Здесь оказалось востребовано суждение критика о тургеневском стиле, об отсутствии у Тургенева «истинного юмора»¹⁰. В фонде Бицилли в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 804) хранится изданная Айхенвальдом в Берлине в 1925 г. небольшая книжка «Две жены: Толстая и Достоевская»¹¹, вероятно, попавшая в поле зрения Бицилли в ходе работы над статьей «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого», напечатанной в 1928 г. в парижском журнале «Современные записки». Интересно было бы сопоставить взгляды Айхенвальда

⁸ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. С. 311.

⁹ Айхенвальд Ю. И. Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей». С. L.

¹⁰ Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. С. 434.

¹¹ См.: Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б. Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 142.

и Бицилли на Державина или Ходасевича¹², или Бунина¹³, но мы коснемся лишь того особого значения, которое для обоих имело творчество Пушкина.

В философско-эстетической системе Айхенвальда Пушкин занимает ключевое место¹⁴. Для него Пушкин — это поистине «поэтическая Теодицея»¹⁵, вечный «незаменимый спутник», который «через всю жизнь провожает нас», «замечаем ли мы это, сознаем ли мы это или нет»¹⁶, как он напишет в 1924 г. в статье «Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)» для рижской газеты «Сегодня».

Так что неслучайно в 1926 г. он обратит внимание на книгу Бицилли «Этюды о русской поэзии», почти все разделы которой: «Эволюция русского стиха»; «Поэзия Пушкина»; «Место Лермонтова в истории русской поэзии»; «К вопросу о природе русского стиха»; «“Сон” и прочее в Пушкинском словаре»; «Художественный замысел “Медного всадника”» — имели прямое или косвенное отношение к Пушкину. Айхенвальд отзовется на нее в том же 1926 г. в берлинской газете «Руль»¹⁷.

Книга Бицилли привлекла Айхенвальда множеством «тонких замечаний, свидетельствующих, как хорошо умеет автор, по выражению Ницше, “медленно читать”», и как способен пробуждать в читателях «общие мысли о природе творчества, особенно поэзии». Айхенвальд считает, что Бицилли обладает редким даром — он «необычайно чутко слышит стихотворение, глубоко погружается в его звуковые волны, и как искусный водолаз, выносит оттуда новые жемчужины, новые оттенки смысла». Айхенвальду импонирует то, что Бицилли, видя в ритме наиболее существенный признак поэзии, при этом не

¹² Айхенвальд Ю.И. Памяти Державина // Речь. 1916. № 185, 8 июля; Бицилли П.М. Державин. [Рец. на кн.: Ходасевич В. Державин. — Париж, 1931] // Россия и славянство. 1931. № 125, 18 апр. С. 3; Бицилли П.М. Державин — Пушкин — Тютчев и русская государственность // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 351–374; рецензии Айхенвальда на «Поэтическое хозяйство Пушкина» Ходасевича (Руль. 1923. № 917, 9 дек. С. 2–3; Руль. 1924. № 1104, 23 июля. С. 2–3), а также: «Я очень слежу за Вашими отзывами...» (Письма В.Ф. Ходасевича Ю.И. Айхенвальду) / публ. Е.М. Бенья // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 89–102.

¹³ См. отклики на «Божье древо» Ив. Бунина Ю.И. Айхенвальда (Руль. 1928. № 2159, 4 янв.) и П.М. Бицилли (Числа. 1931. № 5. С. 222–223).

¹⁴ Подробнее об этом см. мою статью: Тахо-Годи Е.А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.

¹⁵ Айхенвальд Ю.И. Пушкин // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1906. С. 41.

¹⁶ Айхенвальд Ю.И. Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина) // Сегодня. 1924. № 129, 8 июня. С. 4.

¹⁷ Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1926. № 1548, 6 янв. С. 2–3. Далее резюме этой рецензии дается без специальных отсылок к тексту.

является представителем ставшего в эти годы модным формального метода, что «поэтикой он не заглушает поэзии», что линия его анализа «с выигрышем для истины» «сворачивает в сторону содержания, а над поэтикой, как таковой, желанно торжествует психология и философия». «Всегда живой, счастливо чуждый односторонности, не подменяя, как это нередко бывает формализма педантизмом, быть может, — сознательно поступаясь прямолинейной выдержанностью методологии ради сложности самого искусства <...>». Импонирует Айхенвальду и внимание Бицилли к содержательному наполнению поэтического слова, к самому языку, понимание того, что «отсутствие уважения ко внутренней ценности слова» губит поэзию и ее внутренний ритм, что поэзии необходимо «совокупное слово», синтезирующее смысловое и звуковое (ритмическое) воедино. «И потому слово, как Логос, слово, как бесплотный сосуд разума и чувства, никогда не отказывает нашему аналитику в своем мудром путеводительстве». Айхенвальду, как человеку много лет изучавшему философию, близко утверждение Бицилли о том, что «“истинная поэзия всегда философична” и всегда психологична», что «не части, не элементы, а только целое представляет собою явление искусства и что каждое такое органическое явление индивидуально и, значит, в известном смысле ограничено».

Отдавая дань широте воззрений Бицилли, его «углубленной эстетической впечатлительности», Айхенвальд одновременно вроде бы критикует исследователя за то, что некоторые его суждения о поэзии «могут лишь поддерживать скептицизм тех, кто вообще сомневается в плодотворности научного разбора поэзии», к примеру, суждения Бицилли о том, что «поэтическая индивидуальность» никаким научным анализом никогда не может быть описана, что тщетны попытки «выразить в понятиях особенности ритма». Если «поэтическая индивидуальность» — это основное в поэзии, «и если наука не улавливает ее, то она не улавливает ничего», — писал Айхенвальд. Аналогично, если для понимания ритма нужен не научный анализ, а чувство, если ритм «нельзя выразить в понятиях, то стоит ли приближаться к нему с заведомо негодным скальпелем исследования», «ведь где начинается чувство, там кончается наука». Однако уж точно не Айхенвальд, которому литературоведы-традиционалисты всегда ставили в вину субъективность, излишний эстетизм и отказ от истории литературы как науки, будет упрекать Бицилли за апологию «красоты поэзии», за его веру в то, что «красота есть “нечто непосредственно убедительное, аксиоматическое и потому подлежащее не доказыванию, а только констатированию”». Хотя Айхенвальд вроде бы корит Бицилли за

слабость его «аргументации в пользу красоты», но скорее именно за недостаточность аргументации (если «красота недоказуема, красота — по ту сторону всякой аргументации, — но тогда все научные этюды о поэзии обрекаются на неудачу»), а не за саму апологию красоты. Айхенвальд риторически вопрошает: если «последняя и высшая, а в сущности и единственная инстанция, в которую может обращаться эстетика, это — непосредственное чувство, неуловимая интуиция, необъяснимое впечатление, — и, следовательно возвращаются попранные было права вольному импрессионизму...»

Вряд ли Айхенвальд действительно огорчен, что «после мастерского изыскания проф. Бицилли не разоблаченной остается не только тайна слова, но и тайна звука». Дело в том, что он сам, как сторонник того самого «вольного импрессионизма», абсолютно убежден в том, что «как бы остроумно ни разлагали инструментовку стиха на ее отдельные части и как бы далее, ни изучались словарь поэта и природа его эпитетов», никогда не вскрыть тайну слова, напротив, этим можно лишь его умертвить. Искусство, по Айхенвальду, предполагает со-чувствие читателя, со-творчество, а не мертвящий аналитизм. От подобных Сальери формалистов-аналитиков Бицилли, с точки зрения Айхенвальда, и отличается как раз тем, что у него «проницательность анализа <...> не имеет в себе ничего разрушительного и соединяется с чувством художественной меры и художественного такта, и ум здесь не мешает слуху, как слух не мешает уму». Недаром и сам критик завершает свой отзыв словами одобрения, подчеркивая, что, несмотря на все возражения, книга Бицилли «так содержательна и свежа, так полна остроумных наблюдений, значительных идей оригинального истолкования некоторых образцов поэтического творчества, что в нашу эстетическую критику входит она неоспоримо ценным вкладом».

Отзыв Айхенвальда был вырезан Бицилли и сохранился в его фонде в Пушкинском Доме¹⁸. Рецензия содействовала привлечению Бицилли к более активному сотрудничеству редакцией парижского журнала «Современные записки». За статьями и рецензиями самого Айхенвальда в редакции «Современных записок» внимательно следили, тем более, что он регулярно отзывался на очередные номера, но в сам журнал не допускали, несмотря на усилия дружившего с Айхенвальдом Федора Степуна. Прочтя похвалы Айхенвальда в адрес Бицилли, Илья Фондаминский тут же решил, что надо брать

¹⁸ См.: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Указ. соч. С. 161.

в «Современные записки» статьи Бицилли и на литературные темы¹⁹, и уже в том же 1926 г. в № 29 журнала (С. 467–473) появляется публикация Бицилли «Завет Пушкина».

Пушкинская тема в сознании Айхенвальда, в гораздо большей степени, чем у Бицилли, была связана с размышлениями о судьбе послереволюционной России и самого русского языка. В уже упомянутой статье «Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)» критик писал о наступившем «слишком не пушкинском» времени, о том, что «нынешняя Россия осталась без Пушкина, без его духа»²⁰. Однако, как считал Айхенвальд, отказаться от пушкинского «неумолкающего имени» невозможно: и потому что «именно под знаком Пушкина» «двигалась русская образованность»²¹, и потому, что именно пушкинская речь «оплодотворила нашу речь»²², речь каждого русского человека.

Вопрос о русском языке и его сбережении был одним из острейших для русских эмигрантов. Яркий пример тому — дискуссия вокруг статьи известного театрального деятеля князя С.М. Волконского «О русском языке» 1923 г., а затем и изданной им в 1928 г. совместно с братом Александром книги «В защиту русского языка»²³. В этой дискуссии Бицилли принял самое активно участие. Одна за другой в конце 1920-х — начале 1930-х гг. появляются его статьи и заметки — сначала публицистические, историсофские, затем глубоко научные: «В защиту русского языка» (1927), «Вопросы русской языковой культуры» (1928), «По поводу вопроса о порче русского языка» (1929), «В защиту варваризмов в русском языке» (1929), «Нация и язык» (1929), «Язык и народность (К вопросу об образовании русского литературного языка)» (1930, опубли. 1932) и т.д.²⁴

Совершенно правильно писал включившийся в полемику Бицилли с князем Сергеем Волконским Георгий Адамович, что «вопрос о языке есть, конечно, вопрос о духовной жизни народа»²⁵. Однако он сам, пытаясь ради построения нового языка новой живой культуры, соединить и примирить все позиции, призывал найти третий путь — без «безразличия» Бицилли к языковым рамкам /условностям/, без «консервативной непримиримости» Волконского, а вместе с тем

¹⁹ См.: *Современные записки* (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. Т. I. М., 2011. С. 293.

²⁰ *Айхенвальд Ю.И. Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина)*. С. 4.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Волконский С.М., Волконский А.М. В защиту русского языка*. Берлин, [1928].

²⁴ Большинство статей включено в том: *Бицилли П.М. Избранные работы по филологии*.

²⁵ См. публикацию статьи Г. Адамовича: Там же. С. 661.

и без безусловной власти классических авторитетов, в том числе Пушкина.

Позиция Бицилли в споре о языке анализировалась и в комментариях к изданному еще в 1996 г. тому его «Избранных трудов по филологии», и в докладе Микелы Вендитти «П.М. Бицилли и споры о русском языке в эмиграции» в ИМЛИ РАН (ноябрь 2019) на организованной по инициативе О.А. Коростелева конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли». Однако от исследователей ускользнуло, что в разговоре о языке был еще один участник — Айхенвальд. Неслучайно в фонде Бицилли в Пушкинском Доме хранится газетная вырезка с его статьей «Косноязычная Россия» из газеты «Руль» от 1 августа 1928 года²⁶. Айхенвальд в ней останавливался на книге А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», обильно цитировал примеры постреволюционного «новояза», подтверждающие, что как «свихнулось русское дело», так «свихнулось русское слово»²⁷.

В статье «Косноязычная Россия» Айхенвальд лишь упоминал о книге братьев Волконских. Специально обратился он к ней спустя неделю, 8 августа 1928 г., на страницах того же «Руля». Думается, что и этот айхенвальдовский текст, хотя и отсутствует в фонде Бицилли в Пушкинском Доме, ученым, конечно, был прочитан и учтен.

«<...> умная и остроумная книга» Волконских, как признавался Айхенвальд, привлекла его «к себе даже там, где с нею не вполне соглашаешься»²⁸. В отличие от Волконских, Айхенвальд был убежден, что нельзя «отождествлять язык с правописанием, т.е. музыку — с нотными значками, безусловное — с условным». Для подтверждения он апеллировал к Пушкину: «Пушкин говорил, что орфография — “геральдика языка”; геральдика же, это — нечто большое, ценное, красивое, но все-таки внешнее. Язык остается дворянином, хотя гербы его меняются. Знатность его не страдает от того, что на протяжении веков не застывают в неподвижности его начертания. Дело не в букве, а в духе. Дело в слове».

Однако, и споря, Айхенвальд солидаризировался с авторами в борьбе против «обезличения русского народа», от насилия над языком «засевшего в Кремле ненавистника России», за создание новой добровольческой армии — «армии слова». Для него «защищать чистоту русского языка значит и защищать чистоту русского

²⁶ См.: *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Указ. соч. С. 161.

²⁷ *Айхенвальд Ю.И.* Косноязычная Россия // Руль. 1928. № 2334, 1 авг. С. 2.

²⁸ *Айхенвальд Ю.И.* Литературные заметки // Руль. 1928. № 2340, 8 авг. С. 2–3. Далее резюме этой рецензии дается без специальных отсылок к тексту.

мышления»: «ведь язык, это — народ». Вот почему он считает книгу Волконских «в высшей степени важной и вдохновительной», подчеркивая, что «лингвистический патриотизм» авторов далек от «патриотизма казенного и окостеневшего», что они видят присущие самому языку «революционное» и «охранительное» начала, их диалектическое взаимодействие, но помнят о важности держаться «охранительного» начала не только в языке, но и в самой жизни.

Анализируя полемику Бицилли с Волконскими, М. Вендитти сочла главным отличительным моментом то, что позиция Волконского в споре о языке была «чисто политическая», тогда как у Бицилли — «научная». Однако, как представляется, нельзя сбрасывать со счетов то, что Бицилли включился в этот спор в эпоху своего увлечения евразийством и что среди приводимых им примеров появляется и евразийский термин «месторазвитие». Закономерно, что у Бицилли раздумья о языке возникают параллельно с размышлениями о народе и нации: его занимает не только спор по конкретному поводу с Волконским, этот спор теснейше связан с его лингвокультурологическими и социолингвистическими воззрениями в целом²⁹.

Что касается оценки книги братьев Волконских, то позиции Бицилли и Айхенвальда тут явно расходятся: Бицилли делает акцент на «революционном», вечно обновляющемся начале, принимающем и ассимилирующем все новое, Айхенвальд, напротив, — на охранительном, сберегающем. Не зря друживший с Айхенвальдом Семен Франк в помещенном сразу же после смерти критика в газете «Руль» очень эмоциональном некрологе писал о покойном как о «рыцаре святого Духа», защитнике русского дела: «Он — еврей и член либеральной интеллигенции — пришел из любви к Пушкину и к духовной культуре старой императорской, петровской России<, > к строго консервативным убеждениям»³⁰. И несколько иначе выражал ту же мысль спустя месяц на страницах парижского журнала «Путь»: Айхенвальд был одним из достойнейших представителей «русского дела борьбы за духовные ценности, за духовные начала жизни»³¹.

Примечательно, что, несмотря на расхождение с Айхенвальдом в споре о языке, Бицилли сходно оценил роль Айхенвальда в русской

²⁹ Воззрения Бицилли на развитие русского литературного языка освещены в двух монографиях И.В. Анненковой (П.М. Бицилли как историк и теоретик русского литературного языка. М., 2010; Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М., 2011).

³⁰ Франк С.Л. Рыцарь Духа // Руль. 1928. № 2453, 19 дек. С. 2.

³¹ Франк С.Л. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Путь. 1929. № 15. С. 126.

культуре в некрологе, напечатанном в январе 1929 г. в софийской газете «Голос»³².

Было бы слишком упрощенно рассматривать написание некролога как ответный жест благодарности за положительную рецензию на «Этюды о русской поэзии». Но если авторы других некрологов — Б. Зайцев, Г. Ландау, И. Матусевич, В. Набоков, С. Франк, В. Ходасевич, И. Шмелев — знали Айхенвальда лично, то Бицилли в этом смысле — очевидное исключение. Читая их тексты, Бицилли констатирует «редкое единодушие», подтверждающее, с его точки зрения, то, что покойный критик «несомненно был таков, каким его характеризуют». При этом Бицилли обращает особое внимание на то, что об Айхенвальде говорят именно как о «человеке высоких нравственных качеств, исключительной доброты, чуткости, искренности и благородства», но «не как о писателе». Это, по мнению Бицилли, объясняется тем, что к Айхенвальду «применяется его собственный подход», заключающийся в особом интересе к «индивидуальному душевному облику» автора. Бицилли подчеркивает, что Айхенвальд, будучи «большим знатоком художественного слова», в то же время чужд стремлению видеть в слове «самодовлеющую ценность», то, что Бицилли именует духовным «александрийством», что критик всегда хотел найти «за формальной красотой» более для него значимую «красоту душевную». Бицилли ссылается на мнение одного из некрологов (к сожалению, пока мне не удалось установить — чье), утверждавшего, что Айхенвальд «совсем не был **критиком**: скорее **моралистом** <...>, в смысле исследователя человеческой души». Однако душа эта должна была быть такой, которая несла через слово мысль, это «высочайшее и совершеннейшее выражение жизни духа». По мнению Бицилли, Айхенвальд ставил знак равенства между культурой и литературой. При этом любопытно отметить, что Бицилли, очевидно вполне сознательно, игнорирует все, что Айхенвальд писал о западноевропейской литературе: он создает образ критика, чьим полем исследования «была всегда и единственно **русская литература**», а значит и русская культура. Вряд ли Бицилли не был осведомлен о статьях Айхенвальда о западных авторах, но для него принципиально важно нарисовать образ инородца, еврея, сына раввина, для которого русская культура оказывается культурой «величайшей ценности и абсолютного значения». Бицилли подчеркивает, что Айхенвальд в этом смысле был «по вкусам, по убеждениям, по всему своему душевному складу

³² Бицилли П.М. Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда // Голос. 1929. № 26, 19 янв. С. 1–2. Далее резюме некролога дается без специальных отсылок к тексту.

русским в такой степени, в какой это вообще возможно». Бицилли почти вызывающе утверждает, что Айхенвальд настолько «интимно связан» с русской культурой, что говорить о ней — «значит продолжать говорить о нем», об Айхенвальде. Для Бицилли несомненно, что хотя «русская культурная стихия <...> насквозь пронизана духом православия», но «можно быть русским <...>, не будучи рожденным в нем», так как «всякая культура» в определенный момент своего развития «перерастает вероисповедные рамки»³³. Вот почему Бицилли причисляет Айхенвальда (не упоминая — сознательно или по неведению — о факте перехода Айхенвальда в православие) к той когорте евреев — Волинского, Венгерова, Горнфельда, Гершензона, которые были в числе «немногих поклонников и истолкователей русской культуры», для которых русская культура являлась самостоятельной реальной «духовной величиной» и которых Бицилли именует «рыцарями русской литературы». По мнению Бицилли, сам этот факт свидетельствует «о могучей притягательной и ассимилирующей силе русской культуры и русской “стихии”». Вот почему Айхенвальд, «человек по отношению к политическим вопросам отнюдь не безразличный», по мнению Бицилли, и в эмиграции писал только о русской литературе — «для него она была как-то “первее”, существеннее, в каком-то смысле “реальнее” всего остального». Судьба Айхенвальда, его великая «вера в душу России» оказывается, с точки зрения Бицилли, своего рода примером и моральным уроком для всех русских: «В этом заключается для нас смысл и значение его жизни, его посмертное завещание, урок и высокий пример».

Как представляется, все сказанное Бицилли об Айхенвальде имеет смысл рассматривать с учетом того цикла статей о «философии нации»³⁴, который он печатает в 1928–1930 гг. в «Современных записках»: «Нация и народ» (1928. № 37. С. 342–355), «Нация и государство» (1929. № 38. С. 380–400), «Нация и язык» (1929. № 40. С. 403–426) и «Эволюция нации и революция» (1930. № 42. С. 374–384). В статьях «Нация и народ», «Нация и язык» нация, в отличие от этнографического народа, понимается как «культурный

³³ Ср. более ранее суждение Бицилли: «Если национальная культура и национальная религия — одно и то же, то из истории русской культуры пришлось бы вычеркнуть не только Тютчева, но и Тургенева, и Пушкина, и Толстого, в сущности — самую русскую культуру» (Нация и народ // Современные записки. 1928, № 37. С. 350).

³⁴ В письме к редактору «Современных записок» В.В. Рудневу от 28 января 1930 г. Бицилли задним числом зафиксировал, что задумал и осуществляет (с одобрения редакции) цикл статей о «философии нации», см.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. С. 114.

союз»³⁵, как та часть народа, для которой «культура» является «*осознанным идеалом*», «стимулом личной деятельности, источником творческой энергии»³⁶. Бицилли не ограничивается в своей «философии нации» «*исторической морфологией*»³⁷. Недаром в статье «Нация и язык» он заговорит о «морфологии культуры», обращенной к сфере языка, как об отвечающей требованиям «наибольшей всеобщности и наибольшей самобытности»³⁸. Вместе с тем для Бицилли, имеющего, как и Айхенвальд еврейские корни³⁹, некролог Айхенвальду становится еще одним стимулом сказать о единой русской культуре и о нации, несводимой к национальности, как несводим был для него великий Океан языка к языку разных народов.

Таким образом, как мы видим, служение Слову и Культуре не только порождало споры и дискуссии, но и упраздняло различные политические, конфессиональные, национальные, научные перегородки; схождение философско-эстетических позиций порождало между российскими эмигрантами, разделенными пространственными границами, эмпатию – эмоциональную и мировоззренческую; выстраивало отдельные высказывания, суждения и публикации в плодотворный интеллектуальный диалог о морфологии русской культуры и об индивидуальном своеобразии ее представителей.

Литература

Анненкова И.В. Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М.: Издательство Московского университета, 2011. 146 с.

Анненкова И.В. П.М. Бицилли как историк и теоретик русского литературного языка. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. 107 с.

Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Бицилли П.М. Избранные работы по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 707 с.

Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. статья, сост. и коммент. М.А. Васильевой; подгот. текста М.А. Васильевой, И. Оловянниковой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.

Васильева М.А. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / вступ. статья, сост. и коммент. М.А. Васильевой; подгот. текста М. А. Васильевой, И. Оловянниковой. М.: Русский путь, 2000. С 5–28.

Васильева М.А. «Эстетическая проблема» в литературоведении П.М. Бицилли: к постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 109–117.

³⁵ *Бицилли П.М.* Нация и язык // Современные записки. 1929. № 40. С. 403.

³⁶ *Бицилли П.М.* Нация и народ // Современные записки. 1928. № 37. С. 353.

³⁷ Там же. С. 355.

³⁸ *Бицилли П.М.* Нация и язык. С. 404.

³⁹ См.: *Бирман М.А.* Указ. соч. С. 19.

Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б. Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222.

Современные записки (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. Т. 1. М.: НЛЮ, 2011. 986 с.

Тахо-Годи Е.А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.

«Я очень слежу за Вашими отзывами...» (Письма В.Ф. Ходасевича Ю.И. Айхенвальду) / Публ. Е.М. Бенья // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1990. Вып. 7. С. 89–102.

References

Annenkova I.V. *Neizgnannaia mysl'. Filologiya P.M. Bitsilli* [Unexiled thought. P.M. Bitsilli's philology]. Moscow, Moscow University Publ., 2011, 146 p. (In Russ.)

Annenkova I.V. *P.M. Bitsilli kak istorik i teoretik russkogo literaturnogo iazyka* [P.M. Bitsilli as a historian and theorist of the Russian literary language]. Moscow, MSU Faculty of Journalism Publ., 2010, 107 p. (In Russ.)

Birman M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, 444 p. (In Russ.)

Bitsilli P.M. *Izbrannye raboty po filologii* [Selected works on philology], intro. V.P. Vomperskii, comp., ed., comment. V.P. Vomperskii, I.V. Annenkova. Moscow, Nasledie Publ., 1996, 707 p. (In Russ.)

Bitsilli P.M. *Tragediia russkoi kul'tury. Issledovaniia. Stat'i. Retsenzii* [The tragedy of Russian culture. Studies. Articles. Reviews], intro., comp., comment. M.A. Vasilyeva, ed. M.A. Vasilyeva, I. Olovyannikova. Moscow, Russkii put' Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)

Gerashko L.V., Kudriavtsev V.B. Fond professora P.M. Bitsilli v Rukopisnom otdel Pushkinskogo Doma [Professor P.M. Bitsilli collection at the Pushkin House Manuscript Department]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009, pp. 57–222. (In Russ.)

“Ja ochen' slezhu za Vashimi otzyvami...” (Pis'ma V.F. Khodasevicha Iu.I. Aikhenthal'du) [“I really follow your reviews...” (V.F. Khodasevich's letters to Yu. I. Aykhenvald)], publ. E.M. Ben'. *Vstrechi s proshlym* [Meetings with the past], issue 7. Moscow, Sovetskaiia Rossia Publ., 1990, pp. 89–102. (In Russ.)

Sovremennye zapiski (Parizh, 1920–1940). Iz arkhiva redatsii [Sovremennye zapiski (Paris, 1920–1940). From the editorial archive], ed. O.A. Korostelev, M. Schruva. Vol. 1. Moscow, NLO Publ., 2011, 986 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Iu.I. Aikhenthal'da [Pushkin in Yu. I. Aykhenvald's philosophical and aesthetic system]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no. 3. (no. 3, pp. 171–189 (In Russ.).

Vasil'eva M.A. “Esteticheskaiia problema” v literaturovedenii P.M. Bitsilli: k postanovke voprosa [“Aesthetic problem” in the literary studies of P.M. Bizilli: (on the statement of the problem)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2009, no 1, pp. 109–117. (In Russ.)

Vasil'eva M.A. Put' intuitsii [The path of intuition]. Bitsilli P.M. *Tragediia russkoi kul'tury. Issledovaniia. Stat'i. Retsenzii* [The tragedy of Russian culture. Studies. Articles. Reviews], intro., comp., comment. M.A. Vasilyeva, ed. M.A. Vasilyeva, I. Olovyannikova. Moscow, Russkii put' Publ., 2000, pp. 5–28. (In Russ.)

Yuly Aykhenvald and Petr Bitsilli: Reconstruction of the philosophical and aesthetic dialogue*

© 2020, Elena A. Takho-Godi

Abstract: The article compares for the first time the philosophical and aesthetic views on Russian literature and language of two prominent representatives of Russian abroad — the critic Yu.I. Aykhenvald (1872–1928) and the medievalist, interpreter of Russian classics P.M. Bitsilli (1879–1953). A full overview of factual materials identified to date is given, confirming the mutual interest of Yu.I. Aykhenvald and P.M. Bitsilli: documents from P.M. Bitsilli collection at the Institute of Russian literature (Pushkin House) of the RAS, Yu.I. Aykhenvald’s review from the Berlin newspaper “Rul” on P.M. Bitsilli’s “Studies on Russian Poetry”, obituary of Yu.I. Aykhenvald, which was published by P.M. Bitsilli in the Sofia newspaper “Golos”. Among the issues raised are the impact which Aykhenvald’s immanent method of analyzing a literary text had on P.M. Bitsilli’s aesthetically individualizing method, the approaches of both authors to solving the morphology of Russian culture and philosophy of the nation, the connection of the Pushkin theme with thoughts about the fate of post-revolutionary Russia and Russian language in their works, which they articulated during the discussion of S. and A. Volkonsky’s book “In defense of the Russian language”.

Keywords: Yu.I. Aykhenvald, P.M. Bitsilli, Russian literature, language, aesthetics, Pushkin tradition, immanent method, philosophy of the nation, morphology of culture.

Information about the author: Elena Takho-Godi, DSc in Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature (IMLI), the Russian Academy of Sciences; Head of the Research Department, the Library-museum “A.F. Losev House”, Moscow, Russia. E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Citation: Takho-Godi Elena. Yuly Aykhenvald and Petr Bitsilli: Reconstruction of the philosophical and aesthetic dialogue. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 322–336. DOI 10.22455 /2541-8297-2020-16-322-336

* The scientific investigation was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432-II).